

Р
Г87

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

Евгений Гропянов
СТУПАЙ
И
ИСПОЛНИ

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2002

Евгений
Гропянов
⇌⇌
СТУПАЙ
И
ИСПОЛНИ

Повесть
о Витусе Беринге
Часть первая

Рассказы

Современники

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2002

УДК 882
ББК 84(2Рос—рус)6
Г86

Камчатская
областная библиотека
ИНВ. № 121659

Г86 Гропянов Е. В. Ступай и исполни: Повесть о Витусе Беринге. Рассказы. Современники. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2002. — 352 с. ISBN 5—87750—095—3

Повесть «Ступай и исполни» (часть первая) рассказывает о совершенно неисследованных годах (1704—1725) жизни моряка Витуса Беринга в России. Рассказы и литературные этюды написаны в разные годы и впервые собраны вместе.

ISBN 5—87750—095—3

© Гропянов Е. В., 2002

ДВОЕ И ДОЖДЬ

Дождь колотил по доскам, сложенным у окна...

— Снеси в сарай, — неделю назад сказали хозяйке рабочие, — прогноз плохой, а намочит — пропала доска.

— Хорошо, — пообещала она и расплатилась.

— Могу помочь. — Один из рабочих, молодой, рыжеватый, хитро улыбнулся.

«В самом деле, пусть поможет», — подумала она, а сама сказала: — Да уж есть кому.

— А все-таки, — настаивал рыжеватый.

— Будешь набиваться — схлопочешь, — отрезала она.

— Такие, между прочим, на дороге не валяются, — сказали осуждающе ее подруги. — Тебе давно не двадцать.

— Обойдусь.

— Дуришь, Валентина.

— Он водку пьет.

— На то и мужик.

— Настоящий мужик водку не пьет.

— Где они такие... Ох, Валентина, довыбираешься...

«... и не найдешь», — добавила она про себя с сожалением.

... Сейчас она с удивлением наблюдала за собой. То ли перестук дождя за окном успокаивал, однако сидевший перед ней человек не вызывал у нее настороженности, которая родилась у нее год назад, когда она вынуждена была расстаться с мужем. В течение всего этого времени она отвергала всякие ухаживания, оберегая свободу, в которую поначалу долго не верила и которая казалась ей земным блаженством. Если спросить ее сейчас, как же оказался здесь он, разводит руками — сразу не ответишь. Впрочем, она и не искала ответа. Говорил он непринужденно и не искал у нее сочувствия, жалуясь на жизненную неудачу, которая под-

разумевала, конечно же, виноватость женщины (она всегда презирала тех, кто вдруг начинал городить непристойности на ту, с которой проводил ночи); он вообще ни словом не намекнул на какие-то там жестокие разочарования, и ей это понравилось. И все же, не сдержав усмешки, она сказала, что мужчинам веры нет, что они всегда хитрят и всегда стараются всю вину свалить на женщину.

— Да, — согласился он, — мужчины иной раз играют нечестно.

— Не иной, — поправила она, — а часто, довольно часто.

— С истиной спорить безумно, — улыбнулся он.

— Но мужчины могут быть и мерзавцами, — добавила она, торжествуя в душе победу: он вскинется и начнет защищать себя и себе подобных.

— Я тоже мерзавец, — с легкостью согласился он, выбив у нее все карты.

— Они вдобавок и пьяницы, — сказала она с горечью.

— Не все, — ответил он с серьезностью, — но пьют многие, и я пью.

Так появилось на столе сухое вино и минеральная. Она хотела спросить, что за надобность носить по ночам вино. Его друг любит только сухое и только красное с минеральной, а поскольку он сейчас далеко, то, действительно, возвращаться домой с вином как-то не по себе. Нет, он не уговаривал ее выпить, просто налил в рюмки зеленого стекла и, сказав «ваше здоровье», пригубил и поставил, посмотрев на нее с грустью.

— Вам лучше не пить, — сказал он, — если не хочется: вино для беседы, и дождь тоже.

Она сделала глоток. Вкус вина поразил. Муж всегда пил и морщился. Вино же отдавало сладостью и веселило. Она разглядывала его: вроде и некрасив, а не отталкивает. Ей показалось смешным, как он отнекивался, когда она вдруг настаивающе просила зайти к ней хотя бы согреться («В такой час, — говорил он, — неловко, знаете ли... Вдруг я бандит». — «Бандиты в слякотную погоду не ходят, тем более в парадных туфлях. Вы промокли, идемте, я напою вас чаем»). Он сказал, что его друг из соседнего подъезда должен был вернуться из командировки к вечеру и просил его зайти обязательно. Он простоял в подъезде часа два. Женщина с первого этажа несколько раз будто невзначай выходила на площадку и каждый раз оглядывала его подозрительно. Ему ничего не оставалось, как пройти по кварталу и вернуться в подъезд. Конечно, разве в такую погоду может маленький самолет продырявить тучи, не обломав крылья. Сидит теперь его друг в маленьком северном аэропорту и дремлет. Хорошо, если в гостинице место найдется. Как правило, в нелетную погоду все женщинам и детям, остатки роскоши — мужчинам. Северный закон. И тут, как бы ни устал и ни измотался, изволь уступить женщине, даже если она и спать не хочет. Так вот, улыбнулся он.

— Вы, наверно, много ездите?

— Да как сказать, не очень, но вот на Севере бывал не раз... Но мне часто везло — попадал в «окно» и вырывался. Засесть там — не приведи господь. Однажды моему другу понадобилось в село попасть, от райцентра до него — рукой подать, залезть на пожарную каланчу — и видать. Запуржило как раз. И сидел он двадцать девять дней, с тоской поглядывая в сторону села.

— Попал? — спросила она.

— А он усидчивый, да и ждали его там очень.

— Сейчас он снова там?

— Ему трудно оттуда улетать.

Она хотела спросить, какая сила притягивает друга в село, но раздумала. «Вот мужик ненормальный, мотается в такую даль. Забрал бы ее, не королева, поди, и привез бы в город». Она осуждала тех женщин, которые противятся подчиниться воле мужчины, причем подчинением она считала ту осмысленную грань, которая разделяет понятия «власть» и «уважение», презирая эту самую «власть» и вкладывая ее элементы в «уважение», считая «уважение» за критерий отношений между мужчиной и женщиной. В поведении этого ненормального она и увидела то уважение, которое представляла много раз и которое, к боли своей, так и не испытала до сих пор. Нечто похожее сейчас проявлял он, и все же она никак не могла признать его поведение за то уважение, которого она ждала, и если сейчас и чувствовала его, то ей было неловко, что оно так легко может прийти.

Наделенная чувством доверчивости к людям, она восприняла замужество как доверительность, которая может сложиться (и слагается обычно) между мужем и женой. Ее же вдруг начали учить, как жить в семье (к этому она была давно внутренне подготовлена, и первые недели вполне укладывались в ее представление о семейной жизни); она противилась поучениям, когда (по словам и действиям свекрови) нужно было отгородить мир только для семьи, причем этот мир должен быть набит всевозможными вещами (хорошие, красивые вещи она все-таки любила), а поклонение мужу (он же тебя кормит) навязывалось нормой поведения до конца дней твоих. Поначалу она посмеивалась (про себя) над словами свекрови, считая их едва ли не шуткой; от нее потребовали подчинения, причем сделали грубо, с окриком, в присутствии мужа, который, к ее удивлению, отмолчался. Дальнейшее она не любила вспоминать...

Правда, именно в последние годы замужества она выработала именно то восприятие «власти» и «уважения», которое она всегда считала смыслом отношений между мужчиной и женщиной.

Она взглянула на часы: половина двенадцатого.

— У меня есть омлет, — сказала она, смутившись, — я готовила его днем, а сейчас его можно разогреть.

— Я не откажусь, — ответил он просто, и ей вдруг сделалось совсем легко.

Омлет оказался вкусным, они его молча съели.

— Вы завтра снова придете? — спросила она.

— Да, — улыбнулся он, — я обязан прийти, и я хочу прийти. Мне трудно без него. Как-то я задумался: вдруг в одно мгновение мы разедемся, и как тогда я буду жить... Знаете, я ощутил, что теряю половину себя. Друг — это одно с тобой сердце, так сказал древний философ. Это я понял давно, а вот прочитал об этом совсем недавно.

— А у меня завтра много работы... Вечером прибегут подружки... Мы поболтаем; у нас есть один день в неделю, и он как раз завтра, мы называем его «болтушник». Чего только не рассказываем... Ты собираешься? Смотри, что делается за окном. Куда ты пойдешь? Дождь лупит, темень, все таксисты спят. Да и некуда тебе идти. Ляжешь на диване в большой комнате.

— Завтра утром соседи увидят мужчину, который выходит из твоей квартиры. К вечеру весь дом будет знать, что ты провела ночь не одна.

— Ты испугался? Им трудно понять, что женщина может быть просто другом мужчины, что они могут нуждаться друг в друге, как друзья-мужчины.

Она подошла к нему совсем близко и ощутила запах его волос, запах, который, как показалось, носила в себе уже много дней. То ли он принес свежесть дождя, то ли крепкое тело источало этот запах, но стоило ей вдохнуть его, как руки сами потянулись на его плечи, крепкие и надежные, и она прижалась к нему. Ей вдруг сделалось весело. Она взяла в ладони его веснушчатое лицо, и на нее поглядели беззащитные зеленые глаза с большими черными зрачками... Она улыбнулась. Он надел красные кожаные тапки без задников.

— Давай все-таки поставим чай, — сказал он.

Она с удовольствием слушала, как бежит, шурша, вода в чайник.

— Мимо!

Странно, она даже не заметила, что вода давно льется через край.

Она проснулась. За окном все так же выстукивал свою протяжную песню дождь. В квартире было тепло, но одиноко. Она улыбнулась, и — заплакала.

Вечером, на «болтушнике», говорили, перебивая друг друга, подружки. Занятые собой, веселые, они не заметили, как затаенно отстранялась от них Валентина.

ГОРИ, ГОРИ...

- Хотите чаю? — спросил редактор писателя Желтобреева.
- Спасибо, чаю выпью, но хочу и книгу, как у Сырокомова.
- А Сырокомов отказался от книги, — прихлебнув чай, сказал редактор.
- Он что, сдурел?
- Как сказать. — Голос редактора приобрел загадочность, и Желтобреев немым вопросом умолял редактора ответить: почему? почему Сырокомов, вечный неженатик, чья любовь осталась только в книгах, и неплохих, довольно неплохих, с чувством юмора, почему же он, получив место в издательском плане, сходную гонорарную ставку за авторский лист, позволяющую шикануть на юге, скажем, в Пицунде, взял да и отказался от книги? Небось, женат был бы, не выкинул такого коленца. Да на него все пальцем показывать будут: мало того, что жить не умеет, так еще от своей книги нос воротит, примером в местные анналы войти пожелал — жил-был такой-то гражданин Сырокомов (род. в 1942 г., ум... бог с ним, пусть вечно живет), он потряс общество своим честным поступком — забрал из издательства свою книгу. Сырокомов создаст прецедент, им воспользуются издатели, взвинтятся придирки: книги местных литераторов малохудожественны, они дурно влияют на вкус нашего читателя, достаточно того, что читатель хлебает пойло из пошлости на уровне порнографии, а где же Слово... И закатилась несчастная писательская звезда. Сырокомов, Сырокомов... Захотелось тебе в книгу Гиннесса. Гиннесс и думать не думал, что в нашем городе... Сырокомов... поставит рекорд... вдруг так просто... и Гиннесс этот рекорд зафиксирует: Сырокомов — первым! разрывает Высокий договор с издательством...
- Когда? — спросил Желтобреев, сдерживая дрожь в голосе.
- Перед вашим приходом. Сырокомов мне позвонил: я забираю рукопись. Я его отговаривал: книга у Апполинария Семеновича получи-

лась, он ее выстрадал... Настоял Апполинарий Семенович: говорит, пусть лежит, время покажет, жить ей или она мертва изначально.

У Желтобреева вертелось на языке: кто на место Сырокомова? почему бы не быть ему, Желтобрееву? или перебьет Гвоздило, который давно заявил, что у него в столе созревает кирпич, который убьет читателя? бедный читатель...

— Мы думаем, что Сырокомов переменит решение. Но вы знаете: издательство — конвейер, типография проволоочек не терпит, придется запускать что-нибудь из резерва... Все требуют: молодые, уже седоватые и бородатые, требуют, требуют сверху обязательно остро необходимое, требуют справа, требуют слева...

— За чай спасибо. — Желтобреев поставил голубую кружечку.

Редактор грустно улыбнулся.

К вечеру все литераторы знали — Сырокомов сбрендил: и кругом побежало — Сырокомов то-го. Никто не мог произнести: Сырокомов забрал книгу (что поэтического в трех словах, жестких, как полено), все намекали, что Сырокомов — то-го, совершил поступок, не отвечающий общим нормам общежития, он выбился из рядов, он выпендривается, он жаждет внимания и популярности, он хочет всех одурачить, набить себе цену и пробиться в депутаты.

А Сырокомов, отключив телефон, весь день счастливо спал в обнимку со своей рукописью.

Вечером к нему зашел Желтобреев.

— Понятно, отсоединился от мира! — проклокотал он, показывая на беззвучный телефон.

— Впервые я спал днем, Желтобреев. И еще хочу спать. Много спать. Я столько передумал, измучился и сейчас хочу просто спать. Хочешь чаю?

— Весь мир перевернулся: куда ни зайдешь — хочешь чаю? Не хочешь, все равно нальют и заставят выпить.

— Не водка же.

— Веселей было бы.

— Тебе нельзя, Желтобреев, жена.

— Оставь жену в покое.

— Я тебе все равно налью чаю. Не серчай, Желтобреев. Сегодня я счастлив... А почему ты не спросишь, отчего я счастлив?

Как хотелось Желтобрееву закатить во все горло: от дурости своей, Сырокомов, только от дурости, ее родимой твоей! — а глянул на Сырокомова: лицо успокоенное, светлое, глаза ласковые, — и он укорил себя: «Что же ты делаешь, Желтобреев, скотство из тебя вот-вот выпрет, и ты захрюкаешь и залаешь. Всю жизнь ты считался интеллигентом, и вот вся

твоя интеллигентность — наорать на Сырокомова... Господи, пошлость вокруг, пошлость в душе...»

— Я наконец понял, что истинное Слово подвластно немногим. Ты сразу хмуришься, Желтобреев, а ты послушай. Истинное Слово всегда в душе, освященной мудростью времен, его не надо вылавливать на стороне, оно само выливается на бумагу, а ты только отбираешь лучшее. В такой душе много слов, столь много, что ни один словарь их не вместит. Мы же пишем со словарем в руках, слово позаковыристей выискиваем, людей хотим удивить — экие мы мудрецы, а слова-то не наши, чужие... а наши скудненькие, хиленькие, прыг-скок, прыг-скок, поодиночке встают, друг к дружке тулятся, и вроде строй. Я-то знаю, что строй гнилой, а читатель на веру принимает. Чужими словами живем, Желтобреев.

— По-твоему, все живут с чужого плеча.

— Ну вот, ты сразу в дыбошки. Не про тебя я говорю. Я говорю о вечном. А тебя я люблю, без тебя мне скучно. В конце-концов при тебе я вспоминаю, что отношусь к породе интеллигентов...

— Язвишь.

— Брось ты. «Кокосы для Парнаса» ты сделал так, что все ахнули.

— Кое-кто и не заметил.

— Забудь их. Есть такая порода — не замечать, значит, строить политику.

— А над «Кокосами» я тогда работал до истощения. Слова метались. Мне оставалось не упустить их. От ловли слов я устал до безумия. Как будто переловил табун лошадей... Такое не повторяется. — Желтобреев преобразился. Он пробежался мимо Сырокомова, не замечая его. Он жил там... там... Табун лошадей, блестя розовыми спинами, рвался по степи к заходящему солнцу, от жарысдавливало дыхание, пот катился по спине, кони гулко уносили его время, и солнце гасло, и степь покрывалась тьмою.

— Тебя ждет Гвоздило, — со вздохом сказал Желтобреев, останавливаясь у окна и не глядя на Сырокомова.

— Он еще помнит меня?

— Он хочет тебя видеть.

— Что сам-то не зайдет? Здесь уютнее, чем у него в кабинете. Кстати, мебель ему снова сменили?

— Как ты не был — дважды.

— Прытко. А тут диван не купишь. И тебя послал.

— Не отключал бы телефон, слышал его голос.

— Как ты думаешь, что представляет человек, который теряет пятьдесят рублей, а находит рубль?... Сразу скажу, не я. Но кто?

— И не я. Терять нечего.

— Тогда кто?

— Не встречал.

— Гвоздило?

— Ты с ума сошел. Он пятьдесят кинет, сотню вытянет.

— Передай, я буду у него.

Гвоздило сидел в вертящемся кресле и, щурясь, как бы примериваясь, разглядывал Сырокомова: тертые джинсы, свитер, крепкие хоженные ботинки — затрапезный вид, костюма нет, а фордыбачит. Гвоздило не мог представить себя без костюма и галстука. Заявился бы он к высшему начальству, как сейчас Сырокомов перед ним, и чтобы оно подумало. Оно подумало бы: диссидент ты, Гвоздило, раз не при галстуке, когда начальство имеет готовность тебя лицезреть. Гвоздило для Сырокомова вроде и начальник, только Гвоздило понимал, что если он захочет видеть Сырокомова в костюме, то на выборах Сырокомов его прокатит открытым голосом, поэтому Гвоздило как ни желал, чтобы все писатели представляли пред ним в костюмах и при галстуках, он не мог себе этого позволить, отчего внутренне раздражался.

— Садись, брат Сырокомов, в ноги правдынет. — Гвоздило широким жестом обвел кабинет: выбирай, Сырокомов, любой стул, он мягкий, удобный, тебе понравится. — Как жизнь? Работаешь? Книгу новую написал? Что у тебя за неприятности?

Гвоздило обволакивал вопросами отечески-мягко, момент, когда он спрашивал, являлся для него высшим проявлением чувств; ответов он не ждал.

Сырокомов терпеливо наблюдал за Гвоздило и уловил, что Гвоздило стал гораздо артистичнее.

— Вернули тебе книгу эти прохиндеи-издатели? Им классику подавай, у них, видите ли, вкус, а у настоящего писателя вроде Сырокомова и вкуса нет.

— Да не вернули... Я сам забрал...

— Зачем?

— Мне трудно объяснить.

— Значит на тебя нашло видение. Тогда многое упрощается.

— Я забрал книгу просто так. — Сырокомов решил быть твердым.

Гвоздило удивился по-настоящему. Видение защищало и оправдывало Сырокомова. «Просто так» выдавливало Сырокомова из построения мира, созданного и управляемого Гвоздило. То, что Сырокомов заболел от переутомленности и нуждается в лечении под присмотром опытных врачей-психиатров — в этом Гвоздило уверился после слов «просто так». «Он обуян идеей, идею надо похоронить», — подумал Гвоздило и, отечески подсев к Сырокомову, положил мягкую белую руку ему на плечо.

— Ты, брат Сырокомов, устал... Понимаю... Наша доля — особая, писательская, она возвышает, а как нелегка — о-хо-хо... М-да... Заявление писал, когда книгу забирал?

— Предупредил по телефону...

— Тут ты правильно смикитил. Телефонный разговор к делу не пришьешь. Разыграл ты редактора, разыграл, ты его перед лузой поставил, а он, дурак, радуется — книгу забрали. Мы его щелк — и в лузу: не трепыхайся, брат, пошутил писатель Сырокомов, книга обязательно должна выйти... А твой звонок по горячке...

— Я здоров, — поежился Сырокомов, пытаясь освободиться от родительского жеста Гвоздило, но рука начальника загипсовела. — Просто совестно перед собой и читателем.

— Ты, брат Сырокомов, отчебучил. Тебе просто совестно. Орёл! Прости, я взволнован... Пойми, своей совестью ты расшатываешь наши ряды. У тебя совесть, а мы, а я, наконец, без совести, так?

— Я не думал о других.

— То-то! — Гвоздило похлопал Сырокомова по плечу, будто кирпичем постукал, и пересел к столу. — А что будет есть твой товарищ Желтобреев и что будут жевать твои, семейные, между прочим, коллеги...

— Я считал что совесть у всех...

— ...у всех, у всех, но не такая, как твоя. Моя совесть, например, не позволит лишать товарища... товарища лишать его права быть услышанным земляками, права, завоеванного упорным трудом за писательским столом. Моя совесть, как и совесть моих коллег, не спит.

— Болит у меня совесть.

— Лечи! Лекарств нету, так скажи — достану. Квартиру тебе дали. Хорошую. Машинка у тебя почти новая. Ну жену, брат, ищи сам. Скажи по правде, ты нас не дурачишь?

— Что вы такое говорите, Иннокентий Андреевич?

— Я думаю, тебя на премию потянуло. Решил привлечь к себе внимание. Так не темни, скажи, все свои. Большую не выьем, а вот поменьше — почему же, можно попытаться. Давненько нас не баловали, не отмечали. Забыли нас литначальники. Мы им о себе напомним. Ты, брат Сырокомов, молодец, подтолкнул к действию. Такого финта я бы не придумал. Надо же — от книги отказался, и все вспомнили о Сыроконове, об этом труженике, о нежнейшей страдающей душе. Заметано: звоню Самому, он нам премию устроит.

— Зачем же? Зачем, Иннокентий Андреевич? Премия... К чему? А душа? — Сырокомов растерянно глядел на Гвоздило.

— Я сегодня в духе. Я сегодня все могу. Я Самому скажу: что же ты, брат, не вспоминаешь о наших душах, томящихся вдали от столицы, что же ты раздаешь блага направо и налево, а вперед, то есть нам, руки не протянешь. Протяни нам руку, а в руке — премию. Ты, брат Сырокомов, завтра заявление редактору подсунь — прошу ускорить издание книги, так как у тебя день рождения, а всяко яичко дорого к Христову дню.

— Я книгу забрал. И в издательство с этой книгой не пойду. Совесть не велит. А премию надо Желтобрееву дать. У него «Кокосы для Парнаса» написаны — не оторвешься. Газеты хвалят.

— Ты или ничего не понял, или у тебя температура.

— Устал я, извините, Иннокентий Андреевич.

Сырокомов откланялся.

— Он болен... да-да... болен... нервное расстройство... непредвиденные поступки... — Гвоздило снял телефонную трубку. — Лев Яковлевич? Привет... Да жив я, жив... У тебя пациентами писатели бывали? Хотел бы видеть? Могу порекомендовать одного...

Гвоздило, почтительно посмеиваясь, рассказывал Льву Яковлевичу, как он чудненько на днях отобедал у Хозяина, и Хозяин хвалил его, что писатели под руководством Гвоздило, хоть и с небольшими отклонениями, но в сравнении с другими краями — молодцы: служат.

СОДЕРЖАНИЕ

СТУПАЙ И ИСПОЛНИ

Повесть о Витусе Беринге

Часть первая 7

Рассказы

Гости из туманной Британии	107
Черный ворон	118
Случай	135
Бег	145
Незнакомый	148
Гость	151
Поздний ужин	155
Однажды вечером	159
Ефим да Макар	164
Двое и дождь	174
Гори, гори... ..	178
Слеза твоя	184
Нирвана	190
Попытки лирического отступления	202
Что там... ..	207
Весна!	208
Настроение	209
Поэт и Командор	210

Современники

«Ветрами странствий не насытятся...» <i>Арсений Семенов</i>	230
«Не так живем...» <i>Владимир Варно</i>	233
«Чай с морошкой на берегу океана» <i>Леонид Пасенюк</i>	237
«У этих каменных берез...» <i>Владимир Науменков</i>	241
«Тундра — мать моя» <i>Писатели-северяне</i>	245
«Никогда не предамся я лени...» <i>Владимир Коянто</i>	251
Записки провинциального издателя	255
Заметки литератора	260
Борис Петрович Полевой	268